О.Д. Минаева, кандидат исторических наук, заведующая кафедрой истории и правового регулирования отечественных СМИ факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: iprosmi@yandex.ru

«МОЖЕТ ЛИ БАБА СПРАВИТЬ МУЖИЧЬЮ РАБОТУ?» ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ПРОПАГАНДЫ В СОВЕТСКИХ ЖУРНАЛАХ ДЛЯ ЖЕНЩИН 1920-х гг.

В статье анализируется содержание центральных советских журналов «Работница» и «Крестьянка» 1920-х гг. Рассматриваются специфические задачи и приемы производственной пропаганды для женской аудитории.

Ключевые слова: *история советской журналистики, журналы «Работница» и «Крестьянка», равноправие советских женщин.*

The article analyzes the central soviet magazines «Rabotnitsa» and «Krestyanka» in the 1920s. This article also examines the specific tasks and techniques of propaganda aimed at a female audience.

Key words: *the history of the soviet media, the soviet magazines Rabotnitsa and Krestyanka, women's and men's equal rights.*

Введение

Исследование содержания двух популярных советских журналов для женщин — «Работницы» и «Крестьянки» — безусловно, требует междисциплинарного подхода. Эти журналы входили в систему партийно-советских СМИ, а значит, важно иметь в виду все особенности функционирования этой системы. Большинство исследований по истории журналистики[1], написанных в советский период, умалчивают о таких существенных аспектах, как, например, цензурный контроль или методы партийного руководства печатью. Поэтому, анализируя, казалось бы, локальную тему, относящуюся к истории журналистики 1920-х гг., важно иметь в виду ее современные оценки [Тобольцева, 2004].

Об истории советских журналов для женщин не так много научных исследований. В диссертации Е.Ю. Коломийцевой[2], рассматривающей развитие женской прессы на протяжении всей истории российской журналистики, в том числе и современной, советскому периоду (с 1917 по 1990-е гг.) посвящен один параграф. Партийно-советские издания для женщин, конечно, не соответствовали критериям «универсального» журнала: политематического по характеру информации и стремящегося к максимально полному охвату всех возможных сфер и интересов женской аудитории[3]. Наоборот, они как раз и отличались тем, что полностью игнорировали традиционные запросы своей аудитории, выполняя пропагандистские задачи.

В монографии «Отечественные женские журналы: историко-типологический аспект» [Смеюха, 2011] также рассматриваются все три века российской журналистики и система женских журналов РФ, но в историко-типологическом аспекте. В.В. Смеюха анализирует женскую прессу с точки зрения аудиторного и тематического признаков, а также выделяет типичные для каждого периода модели женской периодики. Однако задачи ее работы не требовали глубокого исследования специфики партийно-советской системы изданий для женщин и содержания наиболее известных журналов.

Исследование такого значительного тематического направления советской печати, как производственная пропаганда, требует сочетания различных общенаучных и конкретных методов историко-филологического анализа[4]. Структурно-функциональный метод позволяет анализировать содержание и методы партийного руководства печатью для женщин, а также рассматривать внутренние механизмы деятельности редакций женских изданий. Анализ содержания периодики требует применения контент-анализа. Уместно вспомнить и о дискурс-анализе. Представляется удачным такое определение специфики дискурс-анализа в исследованиях по журналистике: формула «дискурс = текст + контекст»[5].

Проблемно-хронологическое исследование базируется на сплошном изучении подшивок выбранных изданий за период с 1917 по 1941 г. Особое внимание обращалось на так называемые спецномера: к годовщинам Октябрьской революции, 8 марта, юбилеям «Работницы» и «Крестьянки».

[1] См., например: *Минаева О.Д., Варнакова Г.С.* История советской журналистики. Печатные труды преподавателей факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова. Библиографический указатель (1952—2013). М.: Ф-т журналистики МГУ, 2013.

[2] *Коломийцева Е.Ю.* Формирование женского универсального журнала в отечественной журналистике XVIII—XX веков: Дисс. ... докт. филол. наук. Армавир, 2008.

[3] Там же. С. 17.

[4] Хотелось бы отметить работы, посвященные методологии исследований журналистики: «Методика изучения периодической печати» / Под ред. Б.И. Есина. М., 1977; *Зайцев Е.* Дискурс-анализ — это анализ дискурса? // Медиальманах. 2004. № 4—5. С. 50—59; *Головин Ю.А.* Типологические особенности журнальной периодики // Современная пресса: теория и опыт исследования. Ежегодник 2012. М.: Факультет журналистики МГУ, 2012. С. 292—309; *Фролова Т.И.* Динамика стратегий в социальном дискурсе // Современная пресса: теория и опыт исследования. Ежегодник 2012. М.: Факультет журналистики МГУ, 2012. С. 226—257 и др.

[5] См.: *Зайцев Е.* Дискурс-анализ — это анализ дискурса? // Медиальманах. 2004. № 4—5. С. 50—59.

Французский ученый Р. Арон определил цель исторической науки как реконструкцию и интерпретацию прошлого человечества [Арон, 2010, с. 4]. Безусловно, этот подход учитывается при выборе адекватных методов исследования. Анализ содержания печати в исторический период, далеко отстоящий от современности (в данном случае — почти 100 лет назад), требует привлечения значительного материала для воссоздания исторического контекста. Адекватная реконструкция позволяет интерпретировать контент женских изданий как в свете современных задач, так и с учетом исторических особенностей и смыслов, характерных для этой эпохи.

О производственной сфере вообще и о женщинах на производстве, в частности, существует достаточно обширная научная литература советского периода, однако ее недостатком является некритичная позиция авторов, которые стремятся показать только достижения в этой сфере, а точнее — преувеличить их[6]. Между тем, в процессе вовлечения женщин в производственную деятельность было значительное количество проблем, гендерных конфликтов и «перекосов», о которых подробно пишет в своей монографии американская исследовательница В. Голдман [Голдман, 2010]. Значительный материал о политике советской власти в производственной сфере обобщен в монографии А.А. Ильюхова [Ильюхов, 2010], а также представлен в бюджетных обследованиях и статистических справочниках 1920-х гг.[7] Наряду с другими историческими исследованиями[8] они позволяют составить представление об историческом контексте исследуемой проблемы.

Активно развивающиеся в последнее время гендерные исследования помогают как в исторической реконструкции[9], так и в понимании актуальных задач изучения процесса изменений гендерных

[6] См.: *Емельянова Е.Д.* Работа Коммунистической партии среди трудящихся женщин в восстановительный период. Смоленск, 1961; *Серебренников Г.Н.* Женский труд в СССР. М.; Л., 1934; *Бабкова З.И.* Исторический опыт раскрепощения женщины в процессе социалистического строительства: Учебное пособие. М., 1971; *Татаринова Н.И.* Применение труда женщин в народном хозяйстве СССР. М., 1979; *Клопов Е.* Во имя человека труда. М., 1979; *Тинякова И.П.* Опыт КПСС в решении женского вопроса в СССР. М., 1984 и многие другие.

[7] См.: *Дембо В.* Бюджет работника печати (Итоги бюджетного обследования). М., 1927; Труд в СССР. Статистический справочник за 1924—1925 г. М.: Изд. РИО ВЦСПС, 1926; Труд в СССР. Справочник 1926—1930 гг. / Под ред. Я.М. Бинемана. М.: Планхозиз., 1930.

[8] Например, см.: *Андреевский Г.В.* Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху (1920—1930-е годы). М.: Молодая гвардия, 2003 и др.

[9] См.: *Хасбулатова О.А.* Российская государственная политика в XX столетии: гендерный анализ // Женщина в российском обществе. Российский научный журнал. 2000. № 3. С. 30—39 и др.

стереотипов[10]. Значительный вклад в слом привычных гендерных ролей, в привлечение женщин на производство внесли советские женские журналы 1920-х гг.

Общие задачи производственной пропаганды в начале 1920-х гг.

Производственная пропаганда занимала значительное место в содержании советских СМИ в довоенный период. Концепция построения коммунизма базировалась на воспитании нового человека, который должен был демонстрировать коммунистическое, творческое отношение к труду.

Нужно отметить, что аудитория партийно-советской печати в начале 1920-х была практически поголовно неграмотной. Поэтому наравне с печатной пропагандой планировалось применять визуальные и устные формы работы: создавать агит-театр, агит-цирк.

Какие задачи производственной пропаганды ставились перед журналистами? Вот что писал журнал «Вестник агитации и пропаганды»[11] в 1920 г.

Печать должна:

- ознакомить рабочих с общим экономическим положением страны, с производственным планом;
- привлечь рабочих к обсуждению организации работы на их предприятии, норм выработки и производительности труда с целью их повышения;
- ознакомить с новейшей техникой и приемами производства;
- привлечь к борьбе с волокитой, бюрократизмом;
- создать «аттестацию “героев труда”», подчеркнуть важность «героизма труда»;
- поддерживать любовь к техническим знаниям и изобретениям среди масс.

Искусство должно:

- убедить в величии и героизме труда (индустриального, а не крестьянского. — *О.М.*);
- привить любовь к заводу, к своему коллективу, цеху, станку;

[10] См.: *Рябова Т.Б.* Гендерные стереотипы и гендерная стереотипизация: методологические подходы // Женщина в российском обществе. Российский научный журнал. 2001. № 3—4. С. 3—10; *Фролова Т.И.*, *Смирнова О.В.* Гендерные трансформации российской семьи в медиаизмерениях // Гендер и СМИ-2009. Ежегодник. М.: Факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, Изд-во Моск. ун-та, 2010. С. 95—115; *Черменская С.М.* Роль глянцевых журналов в формировании гендерных стереотипов современной женщины // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2006. № 6. С. 16—18 и др.

[11] См.: *Фриче В.* Об использовании искусств для производственной пропаганды // Вестн. агитации и пропаганды. 1920. № 4. С. 18—20.

• донести представление о значение техники и ее *прогрессивности* (курсив мой. — *О.М.*);

• привить любовь к техническим усовершенствованиям, изобретательству[12].

Налицо различие в задачах: искусство должно формировать общие представления, убеждения или «априорные настроения», как пишет автор, а печать убеждать в правильности государственной политики на конкретных фактах из жизни рабочего и транслировать актуальные лозунги.

В. Фриче пишет: «Если таким образом будут привлечены к выявлению интересующей нас идеи все виды искусства — поэзия, музыка, живопись, скульптура, ритмика, пение, искусство декламаторское, то трудно предположить, чтобы такой вечер не произвел надлежащего и эстетического, и воспитательного воздействия на рабочую аудиторию. Конечно, это не есть “экономическое просвещение” рабочего класса, но это, несомненно, воспитание его к роли “класса-организатора”, класса — хозяина жизни»[13].

В приведенном примере хотелось бы отметить четкое понимание различий общих идеологических задач (формирование убеждений класса-хозяина жизни, создание образов «героев труда»), организационных (экономическое просвещение, улучшение работы конкретного предприятия, выполнение плана, увеличение производительности труда и пр.) и актуальных политических (борьба с бюрократизмом, ударничество и т.д.). Для решения этих многоуровневых задач планируется использовать все средства как печатной, так и визуальной пропаганды в единой системе партийной прессы и культуры. Однако когда речь заходит об определенной аудитории, эти задачи корректируются. Так, в русле формирования у пролетариата представлений «класса-хозяина жизни» есть специфические особенности работы с женской аудиторией.

Задачи производственной пропаганды для женской аудитории

Производственная пропаганда выполняла особую роль в журналах, предназначенных для массовой женской аудитории. По мнению Н.К. Крупской и других большевичек, которые писали о «женском вопросе», идея равноправия женщин может быть реализована только тогда, когда женщина сама зарабатывает на жизнь себе и своим детям. Крупская писала еще в 1901 г.: «Самостоятельный заработок освобождает женщину от власти мужчины»[14].

[12] *Фриче В.* Указ. соч. С. 19.

[13] Там же.

[14] *Крупская Н.К.* Женщина-работница // Крупская Н.К. Педагогические сочинения: В 10 т. М.: Изд-во Академии пед. наук, 1957. Т. 1. С. 97.

После Октябрьской революции декреты большевиков по охране женского труда стали большим шагом к реальному равноправию. Вводился 8-часовой рабочий день, запрещалось привлечение женщин к сверхурочным работам, устанавливался декретный отпуск, декларировалась равная оплата труда за одинаковый труд мужчин и женщин (эта цель была достигнута в конце 1920-х гг. [Ильюхов, 2010, с. 145]).

Венди Голдман, известный американский историк, исследовавшая процесс вовлечения советских женщин в производственную деятельность, считает, что во многих капиталистических странах в этот период не существовало такого прогрессивного трудового законодательства и таких условий работы женщин [Голдман, 2010, с. 48]. Однако революционная риторика первых лет советской власти не была подкреплена реальными условиями «освобождения» женщин. Экономическая разруха и безработица усложняли процесс эмансипации.

В октябре 1919 г. в структуре ЦК РКП(б) был создан Отдел по работе среди женщин. Он занимался как организационной, так и агитационной работой с женской аудиторией.

В 1921 г. в Москве прошло Всероссийское совещание губернских женотделов. В тезисах о производственной пропаганде для губернских женотделов говорится, что женщины составляют значительную долю пролетариата[15], они острее, чем мужчины, ощущают на себе лишения, которые несет разруха хозяйственной жизни, а производственная пропаганда поможет «втянуть» работниц «в организацию народного хозяйства»[16].

Перед работниками местных партийных женотделов ставились как общеполитические, так и специфические задачи производственной пропаганды. К общим задачам относится, например, призыв разъяснять роль пролетариата в строительстве нового общества, воспитывать сознательное отношение рабочих к труду, бороться с прогулами, повышать производительность труда и т.п.

Специфическими, направленными именно на женскую аудиторию были, например, такие задачи: объединить женщин на борьбу с хозяйственной разрухой, готовить из работниц организаторов и руководителей производства, «вовлекать» женщин в общественную работу, вести борьбу за улучшение санитарно-гигиенических, продовольственных, жилищных условий и т.д.

[15] В 1925 г. женщины составляли чуть меньше 30% промышленных рабочих (Труд в СССР. Статистический справочник за 1924—1925 г. М.: РИО ВЦСПС, 1926. С. 18—19).

[16] Основные положения о производственной пропаганде среди женщин // Материалы III-го Всероссийского совещания губженотделов. М.: Госиздат, 1921. С. 30.

Среди названных на совещании недостатков агитационно-пропагандистской работы отмечено неумение партийных агитаторов быстро менять содержание, методы и аргументацию в зависимости от меняющейся обстановки и при переходе «от рабочей массы к крестьянской, красноармейской» и т.д.[17] В полной мере это относилось и к работе с женской аудиторией: агитаторов для этой работы не хватало, они были плохо подготовлены, нуждались в убедительных примерах и лозунгах. Эту потребность должны были восполнить издаваемые женотделом ЦК партии журналы для женщин «Работница»[18] и «Крестьянка»[19], ориентированные на решение пропагандистских задач. Традиционно эти журналы назывались массовыми, но их тиражи в первые годы выпуска нельзя назвать большими[20]. Скорей термин «массовый» относится к характеристике целевой аудитории: это «работницы и жены рабочих», а также «трудовые крестьянки».

В 1922—1941 гг. тема производственной деятельности женщин в «Работнице» и «Крестьянке» лидировала по количеству публикаций и их важности в деле осуществления реального равноправия женщин.

Общими для воздействия на аудиторию работниц и крестьянок были такие пропагандистские задачи: формировать и углублять коммунистическое мировоззрение, а также вовлекать женщин в круг общественных и производственных интересов (разъяснение хозяйственных задач, ведение хозяйства на обобществленных, коллективных началах, повышение производительности труда и т.п.)[21]. Но в практике и содержании производственной пропаганды для работниц и крестьянок были существенные различия.

Производственная пропаганда для работниц

Целевой аудиторией журнала «Работница» были работницы и жены, матери, сестры рабочих — тоже потенциальные работницы. В обращении редакции к читательницам сказано, что журнал будет писать о тех вопросах, которые являются «злободневными для работниц»[22]. То есть журнал в основном ориентировался на уже работающих женщин, но одной из его задач было «вовлечение» домохозяек в общественную, а потом и в производственную деятельность.

«Женщина должна работать» — вот твердое убеждение журнала «Работница». Работа даст женщине новый жизненный сценарий, — ведь практически все ее новые ценности формируются в производственной сфере.

Женские журналы активно борются за разрушение старого быта, за освобождение женщин «из застенков семьи», против «мужской тирании». Риторика «равноправности» женщин в 1920-х гг. практически не связана с реальностью: ведь в стране нет инфраструктуры дошкольного и школьного воспитания детей, нет системы общественного питания, у женщин нет никакой квалификации для полноценной работы на производстве. Напрашивается вывод, что производственная пропаганда в 1920-х гг. велась «на перспективу», создавая представление не столько о том, как обстоят дела в реальности, сколько о том, как должно быть.

Подавляющее большинство рубрик в журнале «Работница» довоенного периода относится именно к производственной пропаганде. Так, в 1923—1928 гг. о производственной деятельности женщин говорилось в редакционных статьях, в рубриках «Строительство новой жизни», «По Советской России», «Советы “Работницы”», «Почтовый ящик», «Работница в производстве», «Выдвиженки квалифицируются», «Наши достижения», «Работница в производственной комиссии» и др. Некоторые рубрики появлялись 1—2 раза и исчезали. Так, например, рубрика «На борьбу с проституцией» появляется в «Работнице» один раз в 1928 г. Однако это не значит, что журнал больше не касался данной темы. Отношение к проституции было точно сформулировано в материалах Всероссийского совещания губженотделов: «В Советской России профессиональная проституция — особый вид трудового дезертирства... Проститутка не производит никаких материальных или духовных ценностей, она разлагает своим тлетворным влиянием общество, и поэтому с ней надо бороться как с лицом “отлынивающим” от производительного труда»[23].

В рубриках «Из прошлого», «Воспоминания работниц» сравнивалось положение рабочих и работниц до Октябрьской революции и в советский период. Рисовались картины ужасающе низкого уровня жизни населения (пролетариата, крестьянства) в прошлом. Голодные работницы, «неответные» и неграмотные, были «лучшим материалом капиталистической эксплуатации. Они составляли чернорабочую армию, только отдельные единицы добивались

[17] Основные положения о производственной пропаганде среди женщин // Материалы III-го Всероссийского совещания губженотделов. М.: Госиздат, 1921. С. 53—54.

[18] Выходил с 1923 г.

[19] Выходил с 1922 г.

[20] От 5500 экз. до 10 000 экз.

[21] Материалы III-го Всероссийского совещания губженотделов. С. 13.

[22] Работница. 1924. № 1. Оборот титульной страницы.

[23] Материалы III-го Всероссийского совещания губженотделов. С. 9.

квалификации и занимали место у станка», — говорится во врезке к заметкам о дооктябрьских временах[24]. Примеры нещадной эксплуатации рабочих и работниц в капиталистических странах и их колониях, приводимые в рубриках «За рубежом», «Обзор международной жизни» и других, закрепляли представления о различиях жизни народа при капитализме и при социализме.

Сравнение с дореволюционным прошлым позволяло уйти от критической оценки ситуации начала 1920-х гг. Наоборот, в журнале постоянно подчеркивалось, что советская власть защищает права работниц, их здоровье, дает им уверенность в завтрашнем дне, открывает для них новые пути, что в стране все равны и т.д. Вот пример политически актуального, но неконкретного комментария по проблеме женской занятости: «Советская власть открыла перед работницей другие пути — из рядов чернорабочих — к станку, квалификации. Охраняя специальными законами женский труд, внимательно следя за тем, чтобы работница работала на таких производствах и в таких условиях, которые не вредны для нее как для матери, советская власть ставит своей задачей сделать *фактически работниц равноправной рабочему*»[25]. То есть автор не утверждает, что задача осуществления равноправия женщин решена, это дело будущего. Однако в большинстве публикаций этот нюанс терялся.

Гендерные конфликты на производстве

А между тем в 1920-е гг. путь на производство для женщин был труден: они сталкивались с безработицей, экономической разрухой и конкуренцией с рабочими-мужчинами, чья квалификация была, как правило, выше. В реальных производственных отношениях женщины имели дело с гендерной дискриминацией: о «хамском, издевательском отношении к женщине, недоверии к женским силам, стремлении вытеснить женщину из производства как более дорогую рабочую силу»[26], — пишет в 1928 г. А.В. Артюхина, возглавлявшая долгое время и женотдел ЦК партии, и журнал «Работница».

В очерке «Выдержали» описаны события на Выксинском металлообрабатывающем заводе. Чтобы избежать сокращения, женщин-уборщиц перевели в литейный цех сталеварами. Это вызвало волнение в цеху: «С бабами работать зазорно! Может ли баба справить мужичью работу? А туда же суется! Да где ж ей долгохвостой! Она подолом за машину заденет!»[27]. Первая проба была неудачной: «рабочие загоготали». Старый рабочий помог женщинам, подсказал, что они не так делали. «Радостный вздох и блестевшие радостью глаза без слов говорили, что проба прошла удачно. Смолкли насмешки», — пишет журналистка. Конфликт разрешается с помощью делегатки, заводского комитета, поддержки старого рабочего и настойчивости, трудолюбия женщин. И вот уже «работница-металлистка уверенно шагала, неся ковш с расплавленной сталью, выполняя новую для себя работу»[28]. В этом эпизоде работа в горячем цехе названа «подходящей» для женщин. С другой стороны, безработица и отсутствие квалификации не давали женщинам выбора. В очерке правдиво показано, что женщин вообще ничему не учат, они повторяют то, что делают другие рабочие. Судя по многочисленным подобным примерам, такая практика считалась обычной.

«Работница» постоянно призывает женщин бороться за свои права, не бояться бросать вызов привычным представлениям, ломать гендерные стереотипы. Примеры успешной борьбы с мужским консерватизмом приводятся в очерке о кондитерской фабрике «Красный Октябрь»[29]. Работницы с гордостью рассказали, что карамельно-оберточным отделением руководит женщина, только «мужчинам страсть не нравится, когда женская власть верх берет»[30]. Работницы шоколадного цеха сдали экзамен на квалификацию, их повысили и быстро «сняли». «Уж такой народ упорный, беда. Мастер нас снимет, мужчин поставит, а мы на них собраньями да женорганизатором давим. Верите ли, по три заявления писали, а свое с бою брали, что полагается. Три раза ведь снимали да ставили. Такая у нас борьба шла»[31], — рассказывала журналистке работница.

В начале 1920-х гг. было много публикаций о так называемых «выдвиженках». Женщин на собраниях «выдвигали» на различные вакансии, таким образом, их приход в цех был как бы политической акцией, а не личной инициативой. Подобная ситуация описывается в очерке «Не слезами добьемся квалификации»[32] — женщин «выдвинули» на работу на Тагильский завод (Урал). Журналистка пишет:

---

[24] Работница в производстве // Работница. 1924. № 1. С. 18—19.

[25] Там же. С. 18.

[26] *Артюхина А.В.* Десять лет // Путь нашего роста (к 10-летию первого Всесоюзного съезда работниц и крестьянок) / Под ред. С.И. Смидович. М.; Л.: Госиздат, 1929. С. 11.

[27] *Лаврова К.* Выдержали // Работница. 1925. № 2. С. 8.

[28] Там же.

[29] *Е-ва.* Красный Октябрь // Работница. 1927. № 34. С. 6—8.

[30] Там же. С. 7.

[31] Там же.

[32] *Мина.* Не слезами добьемся квалификации // Работница. 1928. № 29. С. 12.

«...Встретили выдвиженок в цехах в первые дни не совсем дружелюбно:

— Ну, что тебя, бабу, учить? Учи, учи, а ты все равно пойдешь на кухню...

— Да, от рабочих я уж потерпела, — рассказывает Бармичева (выдвинута на десятника). — Станешь говорить о бережном отношении к хозяйству, об экономии, а они на тебя: "А тебе что? Подумаешь, какая задвиженка!" Но я все... одолела, перенесла все трудности, с работой справляюсь.

— Нельзя нам, выдвиженкам, отыгрываться только на слезах, — подытожила собрание Саблина, — не плакать, а добиваться через учебу, завком, ячейку, стенгазету своей квалификации»[33].

Как выглядит ситуация, описанная в очерке? Женщин «выдвинули» на должности, требующие опыта работы и знаний, которых они не имели. Раздражение рабочих прорывается в обидном слове «задвиженка». Производное от «выдвиженки», это слово содержит намек на то, что «выдвинутых» женщин «задвинут», т.е. уберут из цеха. В свою очередь «выдвиженка» полагается не столько на учебу, сколько на помощь завкома, партийной организации и стенгазеты.

С приходом женщин в цеха к производственным отношениям добавился сексуальный аспект. Вот как позицию мужчин озвучивает механик 72 лет. Возраст указан специально для того, чтобы подчеркнуть, что косность и отсталость демонстрирует пожилой человек. Он говорил: «На заводе бабы появились! Смех! Парни за верстаками: "хи-хи-хи, да ха-ха-ха"... Ну, у нас мужики и парни *пялят* (курсив мой. — *О.М.*) на них глаза-то»[34].

В. Голдман пишет, что «мужчины нередко воспринимали присутствие женщины как сексуальный вызов, нарушение общепринятых норм и вели себя соответственно. Женщины становились объектом домогательств и оскорблений, направленных на то, чтобы выжить их с работы» [Голдман, 2010, с. 282]. Первопричиной поведения рабочих В. Голдман считает производственную конкуренцию [там же, с. 284].

Однако нужно учесть еще и ломку в этот период патриархальной семьи, традиционного уклада. Пропаганда равноправия советских женщин строилась на призывах забыть «гнет семейного рабства»[35.], покончить с «кабалой у мужиков»[36]. Такие призывы приводили к гендерному противостоянию: мужчины агрессивно реагировали на любые проявления женского «равенства», считая его вызовом своему авторитету в обществе, на производстве и в семье.

[33] Там же.

[34] Может ли быть женщина слесарем // Работница. 1926. № 11. С. 17.

[35] *Ильина А.* К домашней хозяйке // Работница. 1925. № 6. С. 18.

[36] Бабья песня // Работница. 1925. № 4. С. 25.

Кроме того, раньше мужчины и женщины традиционно встречались вне семьи лишь в строго определенных случаях: в церкви, на гуляньях, в гостях и т.д. Присутствие женщин на заводе создало новую ситуацию, правила поведения в ней вырабатывались постепенно и в многочисленных конфликтах. В советской печати постоянно подчеркивались пролетарское братство, солидарность, новые товарищеские отношения рабочих и работниц. Вот пример такой публикации: журналист пытается использовать новый, еще непривычный праздник 8 марта для укрепления «товарищеского единения»: «Все свои, рабочие, приветствия горячие, близкие, родные. Слова докладчика невидимой нитью связаны с мыслью каждого рабочего и работницы. Рабочие жмут руки своим товарищам-работницам, целуются. По растроганным лицам струятся слезы»[37]. Однако в реальности до «единения» было еще далеко.

«Может ли женщина быть слесарем?» Гендерные конфликты и методы их решения в производственной пропаганде

В 1926 г. журнал «Работница» стал инициатором интересной дискуссии на тему, может ли женщина быть слесарем. Понятно, что речь шла о том, может ли женщина в принципе овладеть мужскими профессиями и целесообразно ли это с точки зрения государственных интересов.

Начало дискуссии положила живая зарисовка с Подольского завода[38], в которой в форме диалога приведены мнения о том, нужно ли готовить слесарей из женщин. Эта публикация интересна еще и тем, что это редкий пример, когда в «Работнице» высказываются мужчины.

Рабочие во время обеденного перерыва обсудили эту тему. Какие доводы **против** того, чтобы женщины работали вообще и слесарем в частности они привели:

• «У нас ребят здоровых без работы много шляется, а тут еще бабы мужицкую работу хотят выполнять...». Это реакция рабочих на гендерную конкуренцию на рынке труда.

• «Для государства дело убыточное». Зафиксировано мнение, что женщина не будет работать всю жизнь или продолжительное время, учить девушек бесполезно, выйдут замуж и будут сидеть с детьми. Представление о том, что женщина должна работать всю жизнь наравне с мужчиной, еще не сформировано в обществе, рабочие не рассматривают такой вариант жизненного сценария.

[37] *В.Ш.* Всколыхнулась сила рабочая // Работница.1923. № 4. С. 2.

[38] *Большаков.* Может ли быть женщина слесарем // Работница. 1926. № 8. С. 20.

• «Мальчишку научишь за 2—3 года, а с ней надо возиться 5—6 лет при условии того, чтобы был толковый инструктор». Высказано традиционное представление, что женщины менее сообразительны и не способны к «умственной» работе.

• «Уж какой из них будет слесарь!...их сама природа сделала так, что им невозможно на сильной физической и в то же время умственной работе работать». Довод о необходимости физической силы на производстве — серьезный.

• «У них каждый месяц менструация, — это обессиливает, выйдет замуж — дети, это отнимает время. Голова у ней не тем забита, а ведь наша слесарная работа требует большой точности, сообразительности, смекалки, да еще в чертежах надо уметь разбираться». Вопросы различной физиологии мужчин и женщин всегда ставятся при обсуждении гендерных проблем. Представление о том, что «голова у женщин не тем забита», очень живучее.

• «Само женское платье на некоторых работах неподходяще»[39].

Рабочему не приходит в голову, что женщину можно переодеть в спецодежду, которой и у мужчин тогда не было. Мужская одежда больше приспособлена для различных видов труда; неудивительно, что сейчас женщины так единодушно носят брюки — это очень удобно.

Доводы рабочих, приведенные **за** то, чтобы женщины работали:

• «Ты говоришь, что у них сообразительности нет. Чепуха, братец мой! У нас есть женщины-врачи, женщины-учителя».

• «Я вполне согласен, что на ремонт станков и вообще *на тяжелую* работу их допускать нельзя», «слесаря из баб будут, но только на легкой работе, которая не требует большой физической силы. На шаблонах, на мелком инструменте»[40]. Это здравое мнение о естественных ограничениях применения женского труда было опровергнуто в 1930-х гг. многочисленными примерами работы женщин на самых вредных и физически тяжелых производствах.

Заметка построена так, чтобы вызвать отклик у читательниц — мнения высказаны спорные, максимально откровенные. И заключающий дискуссию вопрос «Согласны ли с мнением слесарей-мужчин работницы?» должен скорей мобилизовать работниц на борьбу, чем на раздумья.

В «Работнице» № 11 за 1926 г. были опубликованы два письма в защиту женщины на производстве[41]. В них повторялись те же доводы, что и в первой публикации. В 1932 г. в рубрике «Ответы врача» вопрос ставится иначе: «Вреднее ли слесарное дело для женщины, чем для мужчины?» Приводится такое мнение врача:

[39] *Большаков.* Может ли быть женщина слесарем // Работница. 1926. № 8. С. 20.
[40] Там же.
[41] Там же. С. 17.

«Вред данной работы как для мужчины, так и для женщины будет зависеть исключительно от санитарного состояния места работы: недостаточного освещения, вентиляции и пр. ...Противники проникновения женщин в эти искони “мужские” специальности напоют вам о вреде слесарного дела для женщины сорок коробов. Все это пустое. Предложите этим противникам хоть разок постирать штук сто белья да подсуньте им побольше простыней, пододеяльников... что они тогда запоют?»[42].

Этот цикл материалов интересен тем, что демонстрирует нам существовавшие тогда гендерные стереотипы. Однако надо заметить, что подобные дискуссии были очень редки, они не вписывались в задачи производственной пропаганды.

В «Работнице» особое внимание уделялось формированию общих представлений о важности для государства женского труда, об особой сознательности и высоком социальном статусе пролетариата (и женщины-пролетарки), о том, что труд дает женщине возможность навсегда уйти от зависимости и униженности. Какими способами транслировались такие представления?

Очевидно, что индустриальный труд противопоставляется домашнему женскому труду, Вот пример типичного разговора о домашнем хозяйстве: «Мы, хозяйки, благодаря нашим горшкам, ложкам, чашкам, хлебным квашням, поганым ведрам, грязным тряпкам и прочей *мерзости* не имеем возможности хотя краем уха услыхать что-либо отрадное нашему измученному сердцу, ...опускаемся *в грязь повседневных забот* (курсив мой. — *О.М.*) и мелочных дрязг»[43].

Интересным решением производственной темы для женского журнала можно считать объединение темы индустриального труда с темой поиска личного счастья, любви. Можно найти множество примеров того, как на фоне поэтично описанного производственного процесса разворачивалась любовь работницы и рабочего. «Живые шепоты ремней» и «грохоты станковые», «бронзовые стружки под резцом», которые «трепетали, сыпались золотом» и «друг-станок» стали свидетелями, как «двое сильных спаянных трудом» — работница и токарь — полюбили друг друга[44].

Иногда автор лишь обозначает (без деталей) пролетарский статус героев: «полюбила синеблузого Таня пролетарка»[45]. Про избранника сказано лишь, что «руки позамараны», но «трудом и лаской жарки», он для «Тани заводской» «ровно солнце светозарное».

[42] В помощь работнице // Бесплатное приложение к журналу «Работница». 1932. № 10. С. 4.
[43] Голос работницы // Работница. 1923. № 5. С. 15.
[44] *Виноградов С.* Весеннее // Работница. 1925. № 9. С. 20.
[45] *Соколов А.* Танино солнце // Работница. 1923. № 4. С. 12.

Вот типичный пример. Поэт Иван Доронин в «Весенней песне»[46] решает сразу несколько задач: он создает весеннее бодрое настроение, описывает благотворное влияние труда на героиню. И лиричную ноту создает в этой песне любовь героини, встреченная «у заводских складов». Любовь окрыляет героиню и способствует трудовым свершениям. Производственный процесс вовлечен в создание настроения песни: «дым сверкающим разливом и шумит и валит», «блики белками игриво бегают по стали», «веселый» станок «шестерней играет», а «ремни шумят будто листья дуба». Душа героини «распахнула полы солнечного мая» — любовь пришла к ней весной, когда «в нос шибает запах мят цементовых срубов». Поэт пишет, что героиня «и упорна, и смела в трудовом порыве», а сердце ее полно радости — напрашивается вывод, что именно работнице за ее трудовые свершения полагается еще и счастливая любовь. Один куплет посвящен полностью любовным переживаниям. Героиня вспоминает об «отраде алых зорь», о «синем вечере», когда она звала милого. Песня заканчивается на оптимистической ноте: «Никогда не ляжет вяло грусти шаль на плечи».

Производственная пропаганда для крестьянок

Реализовать равноправие деревенской женщины путем вовлечения ее в трудовую деятельность было сложно, — она и так трудилась наравне с мужчинами. Поэтому в обращении редакции «Крестьянки» определяется задача помочь «трудовой крестьянке» добиться равного права *решать* наравне с отцом, мужем, братом. Крестьянка несет «мужской труд» и «женские тяготы» по хозяйству и уходу за детьми. «Ты работала, а решал все он, хозяин, — твой муж, отец, брат. Смиренно, как что-то нужное, несла ты и побои, и пьяную брань... Рабочие и крестьяне в тесном союзе начали строить новую жизнь, и рядом с ними стала работница и крестьянка» — так редакция журнала «Крестьянка» описала положение женщины в деревне[47].

Как ведется борьба за равноправие крестьянок? В рассказах мы находим примеры того, как можно заставить деревню считаться с мнением женщин[48]. Федосья, побитая пьяным мужем, организовала «всех баб села» сдать в суд самогонщицу, чтобы не спаивала их мужей[49]. В результате «житье правильное пошло»: бабы считают, что Федосья «молодчина, мужиков за пояс заткнула», а отдельные «несознательные» мужики говорят, что стыдно, «ежели бабы пересилили мужиков»[50].

Вот как выстраивался сценарий рассказов подобного рода: крестьянка побеждает в конфликте с мужем, его поддерживают мужики, а ее — бабы. В результате у героини начинается новая жизнь: она становится лидером села — едет в город учиться или ее выбирают председателем сельсовета и т.д.

В «Крестьянке» высказано типичное для женского журнала убеждение, что свободу, в первую очередь, надо завоевать у мужчин и от них. И хотя пропагандисты разъясняли советским женщинам, что главный враг у них с мужчинами общий — это мировой капитализм, с которым надо сообща бороться, в сознании большинства женщин идея освобождения и раскрепощения все же связана с тем, что ближе и понятнее — с отношениями между полами. Счет мужскому полу предъявлялся серьезный: рукоприкладство, пьянство, угнетение женщин, непосильная работа, превращение в «рабынь». Прежде их «за человека не считали... А чем баба хуже? Мужик работает, баба работает. Мужик с поля придет, отдыхать пойдет, а бабе коров подоить, по дому прибрать, за детьми приглядеть, обшить, обмыть, накормить всех. Он уж, пес лохматый, выдрыхнется, а ты еще не ложилась»,[51] — вот пример того, как строилась аргументация. Противопоставляется этой тяжкой доле такое наблюдение «поумневшей» бабы: мужики дерутся вроде меньше, «мой-то кобель, так, бывало, и наскакивает, так и наскакивает, а теперь нет. ...Я сама скалку в руки: смотри, так вот тресну!»[52].

В рубрике «Почтовый ящик» печатались отклики читательниц. Они одобряли такие рассказы, которые «про нашу бабью жизнь» и помогают им «мужиков усрамить»[53]. Журнал «Крестьянка» создавал иллюзию, что «везде бабы поднимаются, по новой дорожке идут», нужно им тоже не бояться и включиться в борьбу за новую долю. Судя по рассказам в «Крестьянке», мужики присмирели перед угрозой скалки и женотдела. В реальности же изменения происходили очень медленно, были и случаи убийства «бунтовавших» женщин их мужьями.

Новые героини, «победившие мужиков», рисовались активными, упрямыми и предприимчивыми, они демонстрировали и силу, и хитрость. Один из рассказов так и назывался — «Хитрости

[46] *Доронин И.* Весенняя песня // Работница. 1923. № 5. С. 6.
[47] «Крестьянка» — крестьянке // Крестьянка. 1922. № 1. С. 1.
[48] См.: *Дервенский.* Захотели бабы — сделали по-своему // Крестьянка. 1922. № 4. С. 5—6; Насмешник Бабий день // Крестьянка. 1923. № 4. С. 31—33; Антроп из Лисьих Гор. О бабах // Крестьянка. 1924. № 10. С. 12—15; *Дорохов П.* Женщина // Крестьянка. 1922. № 9. С. 1—2.
[49] *Рязанцев В.* Федосья Суркова // Крестьянка. 1922. № 9. С. 10—12.
[50] Там же. С. 12.
[51] *Дорохов П.* Новая жизнь // Крестьянка. 1923. № 4. С. 11.
[52] Там же.
[53] Почтовый ящик // Крестьянка. 1923. № 4. С. 34.

Домны»[54]. Героиня сначала обдумывает свои цели, потом действует: ласково встретит, накормит мужа горячей лапшой, скажет, что хочет его принарядить, сапоги ему купить, а для этого надо в город. Муж «размяк» и сам проводил ее на вокзал. Это означает, что он «переломился. Стоит только еще чуточку погнуть — и станет совсем настоящим человеком, не пойдет против ее замыслов»[55]. В этом рассказе высказано типичное представление о необходимости перевоспитать мужа, однако нетипично, что героиня добивается своего лаской и обманом, а не угрозами уйти и «скалкой».

Какой путь предлагал журнал «Крестьянка» читательницам? Стать делегатками, председателями сельсоветов, записаться в кружок ликбеза, ехать в город учиться, часто против воли мужа, потому что им «плевать» на согласие[56]. Однако в реальной жизни подобный сценарий был редкостью.

В сценарии новой жизни освобожденной крестьянки (как и работницы) был и такой аспект, как решение «проблемы детей». «Хотели бабы открыть в селе детский дом[57], чтобы *развязать* себе руки и пожить *на воле*, *по-человечески* (курсив мой. — *О.М.*). Мужики — ежом! Жалко рубль выбросить из кармана»[58], — так журналист пересказывает мысли Домны. Выбор лексики показателен. «Горшки, пеленки, дети и церковь *сожрут* не мало молодых баб»[59], — думает Домна.

Выводы

В 1920-е гг. при всех экономических сложностях, безработице, инфляции и т.д., в СССР шла подготовка к индустриализации и коллективизации. Сформировать новое отношение к труду одномоментно, да еще в тех тяжелых условиях было сложно, однако пропагандистская работа в этом направлении велась активно и целенаправленно. Очевидно, что журналы, издаваемые ЦК партии для женщин — «Работница» и «Крестьянка», — выполняли сложную и целенаправленную работу по подготовке женской аудитории к участию в производственной и общественной деятельности. Какие характерные черты, свойственные производственной пропаганде 1920-х гг. в журналах для женщин, можно отметить?

• Как производственная пропаганда для жительниц городов, так и активное побуждение крестьянки «стать хозяйкой» в 1920-е гг. велись на перспективу. Это пропагандистская подготовка к индустриализации и коллективизации, когда жизненный сценарий женщины резко поменяется.

• Интенсивность производственной пропаганды в «Работнице» не зависела от ситуации на рынке труда.

• В «Крестьянке» рисовался позитивный образ общественницы, делегатки, председателя или просто активной женщины, которая отстаивает право на равных с мужчинами участвовать в жизни деревни — «самой решать».

• В 1920-е гг. в журналах для женщин активно формировалось негативное представление о традиционных семейных отношениях и материнских обязанностях. Их нужно было «бросить» ради освобождения, которое ждет женщину в городе на производстве, а в деревне — на посту председателя сельсовета или делегатки.

• Производственная пропаганда в 1920-е гг. велась очень упорно, разнообразно, с учетом интересов женщин из целевой аудитории журналов — работниц и крестьянок.

• В публикациях женских журналов речь идет в основном об индустриальном труде как о самом престижном и политически правильном выборе женщин. Летчицы, инженеры, учительницы, врачи и ученые появятся на страницах «Работницы» и «Крестьянки» позже, в 1930-х гг.

• Пропагандистское воздействие и организационная работа государства осуществлялись синхронно.

Было бы неправильно сводить все социальные процессы в СССР только к результатам действий власти или пропагандистского воздействия, манипуляции. Производственная деятельность соответствовала интересам самих женщин или обстоятельства вынуждали их поменять привычный образ жизни. Однако печать играла в этом процессе важную роль, активно ломая гендерные стереотипы и побуждая женщин задуматься о новом жизненном сценарии.

Список литературы

Арон Р. Измерения исторического сознания / Пер. с франц.; Отв. ред. и авт. закл. ст. И.А. Гобозова. 2-е изд. М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2010.

Голдман В.З. Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии (1917—1937 гг.) / Пер. с англ. В.Ю. Лобовской. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010.

Ильюхов А.А. Как платили большевики: политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917—1941 гг. М.: РОССПЭН, 2010.

Смеюха В.В. Отечественные женские журналы: историко-типологический аспект. Ростов н/Д, 2011.

Тобольцева Н.М. Тоталитаризм и журналистика. М.: Факультет журналистики МГУ, 2004.

Поступила в редакцию
11.11.2013

[54] *Яровой П.* Хитрости Домны // Крестьянка. 1924. № 9. С. 2—4.
[55] Там же.
[56] Там же. С. 13.
[57] Имеется в виду детский сад.
[58] *Яровой П.* Хитрости Домны // Крестьянка. 1924. № 9. С. 2.
[59] Там же.